

УДК 94(470)"16/18"+355.48"1654/1667":930.23
DOI 10.26170/vvi20-01-22
Код ВАК 07.00.09

А.И. Прокофьев

**«ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕРАЙТИНГ»: Г.Н. САГАНОВИЧ
И СЕМИОСФЕРА ЕГО ТЕРМИНОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ
ИСТОРИИ ТРИНАДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ 1654–1667 ГГ.**

В статье исследуется интеллектуальный капитал Г. Н. Сагановича, наработанный за 1994–1995 гг. в его интерпретации истории Тринадцатилетней войны 1654–1667 гг. Проводится анализ терминологии и смыслового наполнения в работах белорусского историка, осуществленный на стыке историографии и семиотики.

Ключевые слова: Тринадцатилетняя война; историческая терминология; смыслопорождение; репликация; историографическая национализация; исторический фрагментизм.

Сведения об авторе: Прокофьев Александр Игоревич, аспирант центра социальной истории Института истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук; 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16; e-mail: al_prokofjew@mail.ru.

Alexander I. Prokofiev

**“HISTORICAL REWRITING”: HIENADŹ SAHANOVIČ
AND HIS TERMINOLOGY'S SEMI-SPHERE IN STUDYING
THE HISTORY OF THE THIRTEEN YEARS' WAR OF 1654–1667**

The article explores the intellectual capital of H. Sahanovič, developed during 1994–1995 in his interpretation of the history of the Thirteen Years' War of 1654–1667. The analysis of terminology and notional content in the works of the Belarusian historian is carried out at the intersection of historiography and semiotics.

Keywords: The Thirteen Years War; historical terminology; generation of meaning; replication; historiographic nationalization; historical fragmentation.

About the author: Alexander I. Prokofiev, Post-graduate Student of the Centre for Social History of the Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia.

Связь семиотики и историографии кажется на первый взгляд неочевидной. И в одном, и в другом случае все ученые имеют дело с *текстами*. Существенное разграничение – в предмете, задачах, способах анализа. В настоящей статье предпринята попытка синтеза семиотического взаимодействия триады «автор – текст – читатель» с исто-

риографией, показывающего исследовательскую траекторию «дискурс – нарратив – парадигма».

В 1993 г. в «Беларускім гістарычным часопісе (Белорусском историческом журнале)» в двух выпусках вышли статьи М. А. Ткачева о войне 1654–1667 гг. между Московским государством и Речью Посполитой. Помимо профессионального занятия историей и археологией, историк был и общественно-политическим деятелем.

В этих публикациях наблюдался отход от общепринятой концепции, бытовавшей в советской историографии, твердившей о «братской борьбе белорусского, украинского и русского народов против панской Польши». Вне всякого сомнения, смена политического ландшафта в Беларуси повлияла на климат и внутри исторической науки. Начались «бои за историю». В этом сражении побеждал тот, кто бился с помощью текстов, если метафорично перефразировать цитату французского поэта Ш. Пеги, приведенную Л. Февром [Февр 1991: 11]. Что стало оружием в руках историков?

Прежде всего, **терминология**. Использование слов и словосочетаний, несущих в себе некий посыл, не только создает принципиально новый текст. Оно может трансформировать (видоизменять, модифицировать) исследовательскую оптику, создавая новый метаязык. Кроме того, модификации меняют и читательское восприятие. Это то, что семиотик и литературовед тартуско-московской семиотической школы Ю. М. Лотман называл «*смыслорождением*» [Лотман 2010: 640-642]. И в этом плане описание Михаила Александровича отразило новоявленную текстовую реальность, наполнив ее идеологемами: «феодальная захватническая война», «Беларусь»¹, «психологическая и идеологическая обработка»², «коренное этническое белорусское население»³ [Ткачоў 1993: 83-85].

В применении такого рода идеологем проявилось стремление «осовременить» войну. Идеологический запрет советской эпохи на выращивание национализма исчез – открылось «окно Овертона». Немыслимые высказывания становились нормой, порой принимаемой без должной рефлексии. Правда, стоит признать, что радикализация дискурса не произошла одномоментно, однако М. Ткачев подготовил условия для успешного развития дискурсивного описания Тринадцатилетней войны.

---

¹ В данном случае понятие «Беларусь» использовано вместо исторически корректного названия Великое княжество Литовское (далее – ВКЛ). В контексте обозначения территории подчеркнуто современное название. Это – не хороним, но идеологема.

² Термин «пропаганда» (продукт позднего Нового времени), неявно подразумеваемый здесь, представляет презентистский перенос способа воздействия государства на население сопредельных земель до или во время военных действий.

³ «Этнос» и «нация» для «Восточной Европы» XVII в. – явный пример некорректного осовременивания.

Во-вторых, **интерпретация**. В 1994 г. состоялась намеренная политизация исторического контекста в работах Г. Н. Сагановича. В заключении его первой студии, посвященной войску ВКЛ в XVI–XVII вв., проявились механизмы будущей «реакции»: «демократический внутренний строй»¹, «тоталитаристский режим и милитаристская внешнеполитическая программа» (говоря о Московском государстве) [Сагановіч 1994: 61-62]. С непосредственно исторической частью таких вопросов не возникает (и в случае с М. Ткачевым): она выполнена научно, обладая высокой информативностью за счет использования польской исторической литературы.

Общими усилиями, вне зависимости от личного знакомства двух историков или диффузии идей, они разработали обособленное историографическое поле, обладающее властью нарратива и его объяснения. Обозначился *фрагментизм* в историческом познании, возвелась искусственная граница, сужающая возможности исторического диалога [Лубский 2014: 521]. Откалиброван процесс коммуникации, где текст событий читается социумом [Успенский 1996: 71-72]. Таким образом, некогда маргинальное мнение обратилось мейнстримом мысли. Здесь важно не придать происходящему сдвигу морализаторских / эмоциональных / политических оценок, чтобы соблюсти процедуру научной критики.

В-третьих, **репликация**. Радикальная историографическая «мутация» случилась через год: в минском издательстве «Навука і тэхніка» вышел в свет следующий труд Г. Сагановича, обозначивший нормализацию в метаязыке белорусской историографии², ориентированной на сплав политики памяти, противопоставление уровня «оккупация / освобождение»³ и формализацию языка (в том числе и с помощью «остранения»⁴). С технической точки зрения получилась новая версия войны Московского государства и Речи Посполитой в середине XVII в., насыщенная национализированным видением прошлого для актуализации социальных и политических перемен. С практической

---

¹ Здесь Геннадий Николаевич говорит о демократичности политической структуры ВКЛ, однако позже ставит идеологему в антонимичное сравнение с «тоталитаризмом».

² В постсоветской исторической науке Беларуси наблюдается поливариантность исторической среды, обладающей разной нарративной властью и институционализацией собственных мнений. Это – государство-ориентированная, официальная и националистическая версии исторических событий и их толкований.

³ Сводящему на нет возможность «освобождения», но дающему полную власть дискурсу «оккупации» (автор статьи не поддерживает ни один из них, считая когнитивно бесплодными – А. П.)

⁴ Концепт «особого восприятия», а не «узнавания» В. Б. Шкловского, известного как «остранение», подходит к описанию *tabula rasa* истории исследования Тринадцатилетней войны в 1990-х гг.

стороны, читатель теперь имел дело не с обновленным вариантом трактования, а с видоизмененным *историческим мышлением*¹.

Нет необходимости в повторном извлечении «скелета из шкафа», повторно подвергая историко-публицистическую работу Геннадия Николаевича историографическому анализу. Более того, в 2002 г. О. А. Курбатовым выполнена основательная и аналитическая критика в рецензии на «Неизвестную войну». В 2007 г. А. Н. Лобин в электронном журнале «Скепсис» представил историографическую критику на книгу Г. Сагановича. В 2018 г. Г. А. Ластовский подготовил компендиум двух выше указанных критических рецензий [Ластовский 2018: 127-129].

Олег Александрович и Алексей Николаевич акцентировали внимание на источниковедческих и теоретико-методологических аспектах «Неизвестной войны». О семиосфере метаязыка М. Ткачева и Г. Сагановича на сегодняшний день работ не имеется. Только в одном исследовании по истории Тринадцатилетней войны обнаруживается разбор используемой исторической терминологии². К несчастью, название одной из частей рецензии А. Лобина, «посеявший ветер, пожнет бурю», отразил факт поражения бурей обоих: и белорусского, и российского историков [Лобин 2007]. Эмоциональной подачей своих текстов, обильным использованием перифразов. Правда, если один исследователь сотворил семиосферу по «своему образу и подобию», то второй – встал на чужое поле, зеркально генерируя особенности языка, против которого направлялось острие критического взгляда. В этом кроется фатальная ошибка любой *полемики* с «национализированными» историографиями: **нельзя** принимать правила игры, где строгая научная позиция заведомо попадает в проигрышное состояние, противостоя аргументации *ad hoc* при трактовке «примордиальной» окраски политически постулируемой истории.

Разделяя мнение С. Н. Зенкина о том, что «и филолог, и историк часто составляют *комментарии* (выделено С. Зенкиным – *А. П.*) к текстам [...]», важно добавить к нему **интерпретацию** [Зенкин 2018: 24]. Во фрагменте М. Ткачева это – первый случай; соответственно, с Г. Сагановичем в работе 1994 г. получаем комментирование в заключении, а в казусе «Неизвестной войны» – оба компонента.

Чем обусловлено принятие данной терминологии? *Презентизм* – главное условие импортируемых эпитетов политики памяти к

---

¹ По представлению А. В. Лубского, разделяемого автором статьи, это – «совокупность интеллектуальных операций, связанных с языковыми практиками и пространственным воображением, направленных на конструирование субъектом исторической реальности» (Лубский А. В. Мышление историческое // Теория и методология исторической науки / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 311-313).

² Речь идет о монографии И. В. Герасимовой (Герасимова И. В. Под властью русского царя: социокультурная среда Вильны в середине XVII века. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 13-17).

прошлому. Читатель, открывший «Неизвестную войну», сталкивается с насыщенными *подстановками* значений эпохи Второй мировой войны почти что в трехсотлетнюю давность. По ходу текста находятся «карательные войска», «агенты-информаторы», «оккупанты», «партизанское движение», «удивительной силы патриотизм», «агитация» [Сагановіч 1995: 6, 8, 23, 28, 76-77 и далее].

Запоздалая реакция российских историков на публикацию Г. Сагановича не отразила генезис метаязыка как *комплементарного блага*. Травма Второй мировой войны 1941–1945 гг., принесшая колоссальные разрушения хозяйству БССР (а также всего СССР и мира в целом) с катастрофическими демографическими потерями, на деле отразилась в прошлое.

Используя мимирию тяжелых последствий Восточной кампании Второй мировой войны на белорусских землях (активизация исторической политики в качестве «слайдов», экспрессивно понимаемых читателем) под военную катастрофу Великого княжества Литовского в середине XVII в. в ходе военных действий, историки получили стратегическую позицию. Тем не менее, с точки зрения науки, изоляционистскую. Задействуя внутренний ресурс поддержки семиосферы, где подобный нарратив является определяющим, на макроуровне этот источник легитимизации собственных идей оказывается **невозможным**. Совокупность всей «мифологизации» историков с интерпретациями прошлого приводит, в конечном счете, к конфликту объясняющих моделей.

Говоря о Тринадцатилетней войне 1654–1667 гг., приходится констатировать следующее: обходя необходимость изучения языкового компонента в историографии, проблематика войны остается своеобразным «местом антикварных раскопок». В каком качестве восприняло язык М. Ткачева и Г. Сагановича белорусское историческое сообщество? Где встречается его влияние? Пользуется ли сам автор метаязыка собственным изобретением? Все эти проблемные вопросы – тема отдельного исследования.

Список источников и литературы

- Зенкин 2018** – Зенкин С. Теория литературы: проблемы и результаты. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- Ластовский 2018** – Ластовский Г. А. Война 1654–1667 годов в современной российско-белорусской историографии // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и в настоящем: материалы международной научной конференции «Россиеведение и белорусоведение в XXI веке: традиционные и новые тенденции в научных исследованиях» (Смоленск, 11–12 октября 2018 г.) / под ред. Е. В. Кодина. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2018. Вып. 4. С. 127-133.
- Лобин 2007** – Лобин А. Н. Неизвестная война 1654–1667 гг. URL: https://scepsis.net/library/id_1104.html (дата обращения: 22.05. 2020).

- Лотман 2010** – Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010.
- Лубский 2014** – Лубский А. В. Фрагментизм в историческом познании // Теория и методология исторической науки / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014.
- Успенский 1996** – Успенский Б. А. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. 2-е изд. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Февр 1991** – Февр Л. Бои за историю / пер. с фр. А. А. Бобовича, М. А. Бобовича, Ю. Н. Стефанова. М.: Наука, 1991.
- Сагановіч 1994** – Сагановіч Г. М. Войска Вялікага княства Літоўскага ў XVI–XVII стст. / пад рэд. Г. В. Штыхава. Мн.: Навука і тэхніка, 1994.
- Сагановіч 1995** – Сагановіч Г. Невядомая вайна: 1654–1667. Мн.: Навука і тэхніка, 1995.
- Ткачоў 1993** – Ткачоў М. Вайна Расіі з Рэччу Паспалітай 1654–1667 гг. // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 1. С. 83-90.

References

- Fevr 1991** – Fevr L. Boi za istoriyu / per. s fr. A. A. Bobovicha, M. A. Bobovicha, Yu. N. Stefanova. M.: Nauka, 1991.
- Lastovskij 2018** – Lastovskij G. A. Vojna 1654–1667 godov v sovremennoj rossijsko-belorusskoj istoriografii // Rossiya i Belarus: istoriya i kultura v proshlom i v nastoyashchem: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Rossiyevedeniye i belorusovedeniye v XXI veke: tradicionniye i novyye tendencii v nauchnyh issledovaniyah» (Smolensk, 11–12 oktyabrya 2018 g.) / pod red. E. V. Kodina. Smolensk, 2018. Vol. 4. S. 127-133.
- Lobin 2007** – Lobin A. N. Neizvestnaya vojna 1654–1667 gg. URL: https://sceptis.net/library/id_1104.html (data obrashcheniya: 22.05.2020).
- Lotman 2010** – Lotman Yu. M. Semiosfera. SPb.: Iskustvo-SPb, 2010.
- Lubskij 2014** – Lubskij A. V. Fragmentizm v istoricheskom poznanii // Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014.
- Sahanovič 1994** – Sahanovič H. M. Vojska Vialikaha kniastva Litoŭskaha ũ XVI–XVII stst. / pad red. H. V. Štychava. Mn.: Navuka i tehnika, 1994.
- Sahanovič 1995** – Sahanovič H. Nieviadomaja vajna: 1654–1667. Mn.: Navuka i tehnika, 1995.
- Ткачоў 1993** – Ткачоў М. Вайна Расіі з Ре́ччу Паспалітай 1654–1667 гг. // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 1. С. 83-90.
- Uspenskij 1996** – Uspenskij B. A. Izbrannyye Trudy. T. I. Semiotika istorii. 2-e izd. M.: Shkola «Yazyki ruskkoy kultury», 1996.
- Zenkin 2018** – Zenkin S. Teoriya literatury: problemy i rezultaty. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2018.